

Начальная строка подчеркивает указанную дидактичность своей повторительной (повторенье — мать учения!) фоникой: в ней мы сталкиваемся с пятью *у* (*Учись у них: у дуба, у березы*). Эта же строка как бы является и одной из композиционных опор для миниатюры в целом.

Не менее организованными по архитектонике выступают и две заключительные строки стихотворения, представляющие собой последнюю смысловую точку текста. Это вдруг возникающий афоризм, состоящий из одного предложения с двумя анафорично-симметрично построенными дополнениями в предпоследней строке (*Для ясных дней, для новых откровений*) и оксюморонно поданными в последней строке сказуемым, определением и подлежащим (*Переболит скорбящая душа*).

Не содержит никаких коммуникативных шумов и помех и словесная структура стихотворения. 110 лет его жизни не состарили его «ни духовно, ни физически», не отразились не только на его высокой нравственной семантике, но и на его языковой материи. Все ясно и понятно, как будто только что написано. Правда, языковые мелочи, на которые не мешает обратить внимание для адекватного восприятия текста, в разбираемой миниатюре есть, но они встречаются у поэтов и сейчас и целиком укладываются в нормы современной стихотворной речи. Прежде всего, это устаревшие падежные формы *листы* и *жизнию* (вместо *листья* и *жизнью*). Они объясняются здесь традициями поэтических вольностей: для рифмовки с *ты* возникают *листы*, падежная форма *жизнию* дает лишний слог (для тех же ритмических целей использует Фет — вместо *сжимаясь, каждой* — огласовки *сжимаяся, каждою*). Все эти факты носят чисто версификационный характер и никакой стилистической роли не играют.

Из слов при замедленном чтении текста обращает на себя внимание, пожалуй, лишь существительное *гений*. В заключительной строфе миниатюры это слово не только не имеет современного основного и самого обычного и частотного значения «человек с высшей степенью творческой одаренности»

(или это качество человека), но не обладает и архаической семантикой «олицетворение, высшее проявление» (чего-л.) и «дух» (как покровитель), хорошо известной из стихотворной практики первой половины XIX в. (Ср. у Пушкина: «Как гений чистой красоты» = «как высшее проявление, олицетворение чистой красоты»; «Мой гений (= «дух-покровитель») невидимкой летает надо мной»). Значение слова (и то с натяжкой) можно определить как «дух», а вообще-то оно выступает, будучи извлеченным из перифразы *гений весны* (ср. *гений красоты, добра, смерти* и т. д.), как средство избежать тавтологии, в качестве синонима определяемого слова *весна*, и рядом с ним асемантизировано: «Но верь весне. Ее промчится гений, Опять теплом и жизнию дыша» = «Но верь весне. Она опять промчится, дыша теплом и жизнью».

Собственно говоря, слово *гений* — единственное, что в этом фетовском стихотворении оказалось из традиционного поэтического словаря. Все остальное — либо обиходное и стилистически немаркировано, либо прямоком взято из живой разговорной речи (ср. *треснула кора, застыли слезы, все злей, хватает за сердце, лютый холод, дыша теплом, сердито рвет, промчится, переболит, ясные дни, душа* и т. д., не потерявшие своей современности, принадлежности к лексическому ядру и сейчас).

Все используемые поэтом слова, за исключением разобранного *гений*, рифмующегося с ним старославянизма *откровений* и слова *минута*, являются исконно русскими. Да и названные иноязычные давно перестали быть иностранными и всеми уже воспринимаются как свои. В этом в языковом отношении — о высоконравственном характере содержания уже говорилось — стихотворение «Учись у них...» — один из самых прекрасных дидактических образцов для развития у учащихся речи, воспитания у них чувства художественного слова и хорошего слова вообще, формирования личностного самосознания, твердости духа, терпимости и крепости веры, особенно в «минуты роковые» (Тютчев) нашего сложного и противоречивого времени.